

Когда матушка впервые создавала отряд Всадниц Мулан, в нём было всего несколько десятков постоянных всадниц и чуть более сотни кандидаток. Теперь же насчитывалась целая сотня постоянных и более трёхсот кандидаток. Дугу Шао привела один отряд постоянных всадниц и соединилась с отрядом Хулюй Добао. Четверо из них были в шёлковых платьях и несли паланкин, остальные — в хуфу под шёлковыми доспехами, с длинными мечами и в коротких сапогах. Стояли гордо, боевой дух не уступал гвардии Цяньню.

Дугу Шао предложила мне сесть в паланкин, сама положила руку на меч и встала рядом с охраной. Уходя, словно невзначай оглянулась на Цуй Мин-дэ: «Цуй Вторая идёт?»

Та не ответила, но быстро поднялась и мелкими шажками поспешила в конец отряда. Дугу Шао махнула рукой, носильщики подняли паланкин и быстрым шагом направились к чертогу Цзычэнь. Сама же она отстала на несколько шагов, шла за паланкином, но впереди Цуй Мин-дэ.

От Чертога Чэнсян до чертога Цзычэнь было недалеко, но сейчас дворец был усеян постами, охрана бдительна и строга. К тому же все в отряде Дугу Шао были при мечах, так что путь занял немало времени.

Я воспользовалась этим, чтобы обдумать множество вещей: нынешнюю обстановку, замыслы матушки, позиции высших сановников, настроения при дворе... С тех пор как я задумалась о том, чтобы оставить Вэй Хуань в столице, я уже бесчисленно размышляла об этих обстоятельствах. И хотя теперь наследником стал Фэнцзе, а не Шоули, расчёты матушки, в сущности, оставались прежними.

Увы, именно потому, что я столько раз всё это обдумывала, мысли спутались в клубок, и конца-краю не было видно.

Вот уже чертог Цзычэнь близко. Я невольно сжала кулаки, взглянула на Цуй Мин-дэ и, сходя с паланкина, медленно приблизилась к ней. Спросила снова: «Если нет стопроцентного способа... может, способ рискнуть?» Дойдя до предела отчаяния, я, напротив, успокоилась. Подумав, добавила: «Я не собираюсь действовать наверняка. Но вдруг А-Хуань тоже захочет остаться...»

Цуй Мин-дэ взглянула на меня и тихо сказала: «Как думаешь, с её характером — она предпочтёт остаться в столице, пойдя на большой риск, или уедет подальше от беды, чтобы выгадать время?»

Я понимала её намёк. С её умением избегать опасностей и стремлением к выгоде, Вэй Хуань, скорее всего, выбрала бы отъезд с Ли Жуюем. Но, вспомнив тот день, когда она обещала быть со мной вечно, я невольно лелеяла слабую надежду: раз тогда она согласилась пойти на риск, быть со мной, то, может, и сейчас согласится... рискнуть, чтобы остаться?

Я знала, что это эгоистично. Но я и есть такая. В такой критический момент я думала не о том, что для неё лучше, а о том... на что она ради меня готова. К счастью, я ещё не совсем опустилась до дна. Не дожидаясь ответа Цуй Мин-дэ, стиснула зубы и пересилила себя: «Не говори. Пусть... уезжает».

Уже вышел евнух, чтобы проводить меня. Я закрыла глаза, собралась было войти, но Цуй Мин-дэ дёрнула меня за рукав. Обернувшись, услышала тихо произнесённое: «Равновесие».

Меня будто окатило холодной водой — внезапно всё стало ясно. Но, осознав, почувствовала, что выбор стал ещё мучительнее. Рассеянно последовала за слугой внутрь. Увидела: за

занавеской — Пэй Янь, Лю Ичжи, Лю Ичжи, Юань Ваньцин и прочие приближённые сановники; внутри — Ваньэр, Туаньэр, А-Цин, госпожа Хэлоу и несколько кормилиц. Матушка же, держа на руках Фэнцзе, восседала на троне.

Сановники, завидев меня, поклонились матушке и стали откланиваться. Та кивнула, велела Гао Яньфу проводить их, а затем, повернувшись, подняла Фэнцзе повыше: «Тайпин, познакомься с Саньланом».

Я мгновенно поняла: матушка заново выстроила очерёдность сыновей покойного императора. Бабушка тоже так делала — отец был девятым сыном, но, поскольку он третий сын бабушки, его всегда звали «Саньланом». Теперь матушка последовала её примеру: нового сына, Фэнцзе, то есть Ли Даня, нарекла «Саньланом».

История, куда ни кинь, в конце концов возвращается на круги своя. Если так, то я, перерождённая принцесса Чанлэ, и прежняя принцесса Тайпин — неужели нас ждёт один конец? А Вэй Хуань, эта императрица Вэй — неужели повторит судьбу императрицы Вэй из прежней истории? Зачем вообще Небо устроило мне это перерождение? Для чего я прожила эту жизнь — лишь чтобы быть принцессой, живущей в праздности, влюбиться в жену брата, завязать с ней извращённую связь и в итоге обоим плохо кончить?

Мне вдруг показалось, что обе мои жизни — всего лишь случайная шутка Небес. Ли Тайпин в прошлой жизни была легка, как пушинка, в этой — не более чем лишняя.

Истории требовалось, чтобы у У Цзэтянь была дочь — и она появилась. Эта дочь могла быть мной, могла быть кем-то другим, могла быть принцессой Тайпин из иного времени, могла быть принцессой Чанлэ из этого. А уж каков нрав этой принцессы, какова её внешность, каковы устремления и идеалы — вообще неважно.

Истории также требовалось, чтобы в Великой Тан была императрица Вэй — будь то супруга Чжун-цзуна в прошлой жизни или законная жена Ли Жуя в этой. И она появилась — дочь Вэй Сюаньчжэня. Неважно, какая она по счёту, как её зовут, лишь бы она была из клана Вэй, лишь бы последовала за таким же условным сыном У Цзэтянь в далёкие края, претерпела лишения, а затем, когда беды миновали, своевольничала и злоупотребляла властью, сама накликав на себя погибель.

Перед лицом великого потока истории наши радости и печали, любовь и ненависть — не имеют значения. Даже то, остаёмся мы или уходим, живы или мертвы, — тоже неважно.

Я словно окаменела, опустила на колени и медленно поклонилась матушке и Ли Даню. Матушка не сразу велела мне подняться. Держа Ли Даня, она шаг за шагом подошла ко мне, присела и поставила годовалого ребёнка передо мной: «Поздоровайся со старшей сестрой».

Ли Дань издал невнятные звуки, затем рассмеялся и потянулся к жемчужной шпильке в моих волосах. Матушка поспешно остановила его: «Не обижай сестру». Передав ребёнка кормилице, она взяла меня за руку, подняла, погладила по щеке и мягко спросила: «Напугалась? Теперь всё кончилось».

Я покачала головой, потом кивнула и тихо спросила: «Лю... Эрлян уезжает сегодня?»

Матушка повернулась к кормилице, та возилась с Ли Данем. Спустя мгновение та ответила: «Уже велели собрать вещи. До заката проводят за город».

По крайней мере, Ли Жую пожаловали титул областного князя, есть что собирать, есть жена и

сын, которые поедут с ним. Куда лучше, чем было у Ли Шэна в прошлом году. И положение А-Хуань за пределами столицы — лучше, чем могло бы быть здесь.

Я опустила глаза, уставилась на свои руки. В полузабытьи ладони и кончики пальцев словно нагрелись — будто сжимаю чью-то руку. Её руку, которую не выпускала из своих ни на день, меньше года назад. Ощущение её кожи ещё свежо в памяти, её аромат, кажется, ещё не развеялся, даже в не до конца утихшей ломоте во всём теле остался её след. А она уже уезжает — в далёкие, за тысячу ли, края, неведомо, глухие или процветающие.

Ей предстоит жить под надзором местных властей, изо дня в день видеться с нелюбимым мужем, растить неродного сына, а, возможно, ещё и терпеть новых наложниц, которых муж наберёт на месте. Жить в страхе — одно неясное послание из столицы может в миг оборвать жизни всей её семьи. Конечно, она будет вдали от распрей. Повезёт — вернётся в столицу, станет императрицей над всеми, и, пользуясь долей совместно пережитых невзгод, будет своевольничать и злоупотреблять властью. Не повезёт — сможет дожить свой век как княгиня где-нибудь за пределами столицы.

Я сомневалась, люблю ли я её на самом деле. Судя по тем историям о любви, что видела в телесериалах, читала в книгах и на форумах, если бы я любила, то должна была бы броситься в омут, не думая ни о чём. А я всё колебалась. Даже сейчас, из-за собственного эгоизма, хотела удержать её. Я также сомневалась, любила ли она когда-нибудь меня. Ответа на этот вопрос у меня не было. Возможно, так никогда и не будет.

<http://bllate.org/book/16278/1466973>